

Г. А. Космолинская

К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТЕ Ф. В. КАРЖАВИНА

Фигура Федора Васильевича Каржавина (1745—1812) — разночинного интеллигента, выросшего в Париже и получившего образование в Сорбонне, переводчика с нескольких европейских языков и издателя, страстного библиофила и путешественника (список можно продолжать) уже давно привлекает к себе внимание исследователей. О нем писали историки и филологи, библиографы и искусствоведы, а также философы и писатели-романисты.¹ Материалы о жизни и деятельности Каржавина, во множестве рассеянные по российским и зарубежным архивам и библиотекам, действительно могут обеспечить самые различные направления в изучении эпохи Просвещения.

Сегодня мы знаем об этом человеке немало, хотя известная склонность Каржавина к авантюризму и мистификации явно не способствует прозрачности его биографии. Так, до сих пор исследователи гадают: мог ли Каржавин (вместе с Ерменевым) быть очевидцем Французской революции? Что побудило его в 1776 г. отправиться в далекую Америку как раз в разгар происходившей там войны за независимость? Была ли, наконец, его неожиданная смерть самоубийством? Загадок достаточно. И в том числе — как выглядел этот человек? Был ли он красив или не слишком хорош собой, худым и желчным холериком или, напротив, добродушным сангвини-

---

¹ Назову лишь некоторые публикации: *Дуров Н. П.* Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) // *Русская старина*. 1875. Т. 12; *Алексеев М. П.* Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина // *Учен. зап. ЛГУ. Серия: филология*. 1961. Вып. 59. № 299. С. 8—36; *Герчук Ю.* Жизнь и странствия Федора Каржавина // *Прометей*. М., 1967. Т. 2. С. 92—106; *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // *Проблемы рукописной и печатной книги*. М., 1976. С. 160—214; *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1984. С. 224—241 [Письма Ф. В. Каржавина к отцу 1754—1765 гг.; публикация С. Р. Долговой]; *Космолинская Г. А.* Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» // *Панорама искусств*. 1989. № 12. С. 338—352. Библиографию работ о Каржавине можно найти в Internet-издании: Федор Васильевич Каржавин (к 255-летию со дня рождения) // Два века. Журнал российской истории XVIII—XIX столетий. 2000. № 1. Раздел «Personalia» (www.dvaveka.pp.ru).

ком? На самом деле для историка, изучающего каржавинские месседжи более чем двухсотлетней давности, этот вопрос не является праздным: облик человека говорит о многом.

До сих пор, к сожалению, не известно ни одного достоверного изображения Каржавина.² Некоторое представление о его внешности мы можем почерпнуть из словесного описания в паспорте, выданном ему, «тридцатидвухлетнему уроженцу Петербурга», в Париже для поездки на остров Мартиника: «Рост около пяти футов и двух с половиной дюймов, волосы и брови — шатен, лицо овальное, полное».³ Действительно, все, что нам известно о характере, поступках и вкусах Каржавина, скорее говорит в пользу именно такого, «сангвинического» его облика.

В 1982 г. вышла монография историка искусств (тогда уже покойного) Алексея Николаевича Савинова о художнике Иване Ерменеве.⁴ В ней впервые была воспроизведена акварельная миниатюра из Русского музея — «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» — работы И. Ерменева с датой «1792» (рис. 1).⁵ На портрете изображен мужчина средних лет (Каржавину в это время было 47 лет), круглолицый, слегка склонный к полноте, с умным прищуром и затаенной улыбкой. А. Н. Савинов осторожно предположил, что это Ф. В. Каржавин,⁶ который, как известно, был не только близко знаком с Ерменевым, но и не раз заказывал ему портретные миниатюры. «Такое предположение не исключено, — писал Савинов, — но в нем нельзя быть уверенным до обнаружения бесспорного его (Каржавина. — Г. К.) портрета для сопоставления с миниатюрой 1792 года».⁷

Знакомство Каржавина с Ерменевым состоялось в 1788 г. в Париже. Тогда же он заказал художнику 4 портрета, до нас не дошедших.⁸ Сохранилось замечательное свидетельство Каржавина об одном из них — портрете его жены Шарлотты Рамбур. «Когда я вижу тебя изображенной на слоновой кости, — писал Каржавин жене в Париж, — то мне кажется, что я вижу саму тебя, тебя слышу, с тобою говорю; если Ерменев и причинил мне много неприятностей, то, по крайней мере, я обязан ему самым большим

² В книге В. И. Рабиновича «Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение» (М., 1986) помещены два портрета Каржавина (один из них — парный, на нем Каржавин (?) изображен с женой), но, к сожалению, без какой-либо аргументации и, главное, без указания на происхождение этих изобразительных материалов. См. также: Вопросы истории. 1987. № 12 (здесь опубликованы материалы «круглого стола», посвященного мифам о Каржавине, и в частности — упомянутой книге Рабиновича).

³ «...agé de trent deux ans, taille d'environ cinq pieds deux ponces et demi, cheveux et sourcils chatains, visage oval, plein...» (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, д. 100, л. 272).

⁴ Савинов А. Н. Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982. 170 с. (далее — Савинов).

⁵ ГРМ, собр. С. Д. Шорох, Ж-299. Воспроизведение миниатюры в цвете см. в книге А. Н. Савинова (С. 170).

⁶ В прошении Ф. Каржавина в Адмиралтейскую коллегию (1797) значится: «...в обер-офицерском чине состоит 30 лет» (РГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 2, л. 227 об.—228; цит. по: Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 42). Он называет себя «Officier Russe» в своем издании, поднесенном в 1776 г. в Париже И. И. Шувалову (РО ИРЛИ, ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова), оп. 2, ед. хр. 103, л. 109). Офицерский чин, вероятно, был получен Каржавиным при зачислении на службу в Экспедицию кремлевского строения (1769).

⁷ Савинов. С. 170.

⁸ В записях Каржавина о выплатах значится: «Всего около 2 луйдоров Ерменеву дано, за 4 портрета» (ГРМ, сектор рукописей, ф. 14, № 43, л. 2; цит. по: Савинов. С. 156).

моим удовольствием — твоим присутствием».⁹ Ерменеву действительно удалось добиваться в своих портретах-миниатюрах большого сходства, создающего эффект присутствия. Историки искусств, анализируя редкие дошедшие до нас работы художника,¹⁰ отмечают характерную индивидуализацию его портретов. Непростые отношения Каржавина и Ерменева продолжались и в Петербурге, что можно проследить вплоть до начала 1790-х гг., после чего след художника теряется.

Миниатюра Ерменева «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» (1792), поступившая в фонды Русского музея в начале 1941 г.,¹¹ так и осталась со знаком вопроса; ее атрибуция больше не обсуждалась. Понятная осторожность не позволяет исследователям безоговорочно принять ее в качестве «портрета Ф. Каржавина», однако в популярных изданиях она именно так и воспроизводится — без каких-либо оговорок и необходимых в таких случаях пояснений.¹² Вот почему, как мне кажется, совсем бесполезно вновь обратиться к вопросу об иконографии Каржавина, даже не имея пока в руках «бесспорного», как того ожидал Савинов, подтверждения его гипотезы.

Как ни странно, но «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» из требующего подтверждения при сравнении неожиданно становится своего рода эталоном. Он всплыл в памяти, когда в работе над известным каржавинским конволютом, составленным из разносортных рукописных материалов под названием «Сгар book»,¹³ я дошла до л. 47, точнее — до его оборотной стороны, на которой оказался не привлекавший до сих пор внимания рисунок пером — гротеск, изображающий смеющегося мужчину. Характерной округлости его лица (знакомой по миниатюре Ерменева!), усиленной широчайшей улыбкой и бугками, был подстать и эмоционально размашистый штрих (рис. 2).

Автопортрет?

Для нашего анализа интерес представляет л. 47 в целом.

Рисунок «смеющегося мужчины» был сделан Каржавиным на обороте листа, где теми же чернилами им записано стихотворение Г. Р. Державина «Властителем и судиям». Дата «1787» означает, что источником ему послужила публикация в «Зеркале света».¹⁴ Державинские строфы как картушем обрамляют другой рисунок Каржавина, изображающий упавшую женскую фигуру, напоминающую статую (рис. 3). Знаменитые строки — «И вы подобно им падете...» — находят явную переключку с позой женщины-статуи. Рисунок сделан уверенной рукой, привыкшей держать карандаш

⁹ Санкт-Петербург, 7 сент. 1788 г.; цит. по: Савинов. С. 152 (оригинал по-французски).

¹⁰ См., например, портрет русского посланника в Париже И. М. Симолина (Савинов. С. 152—153).

¹¹ Галич Л. Ф. Новое об И. А. Ерменеве // Сообщения ГРМ. Л., 1956. Вып. 4.

¹² Например, в беллетристическом повествовании Дмитрия Демина «История странствий Теодора Лами, русского флибустьера», опубликованном в журнале «Вокруг света» (1996. № 10. С. 71).

¹³ РО ИРЛИ, ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова), оп. 2, ед. хр. 103, л. 47 об.

¹⁴ Ода Державина «Властителем и судиям» — переложение 81-го псалма, впервые была опубликована в журнале Ф. Туманского «Зеркало света» (1787); до и после этой публикации она находилась под цензурным подозрением за ее «якобинский» пафос (см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. I. С. 111).

и перо. Видевшие его исследователи, может быть несколько категорично, но не без основания, находили в женщине сходство с Екатериной II.¹⁵ Любопытно, что подпись под стихотворением может быть прочитана двояко: и как «Державин», и как «Каржавин». Эта небрежность письма, однако, вполне в духе каржавинских мистификаций.

«Смеющийся мужчина» как бы завершает собой всю безыскусную композицию на л. 47, пронизанную пафосом оды Державина, смехом снимая напряжение, которое явно ощутимо в самом акте переписывания «якобинских» стихов. И разве не сродни эта эмоция смеха тому восторженному восклицанию — «Прекрасно!», которое рядом со строфой державинской оды — «И вы подобно так умрете, / Как ваш последний раб умрет!» — было записано И. Дмитриевым?¹⁶

Типологическое сходство «смеющегося мужчины» и «офицера» из Русского музея позволяет (разумеется, с огромной долей осторожности) предположить, что теперь нам известны два изображения Каржавина, связанные между собой. Оба, к сожалению, пока со знаком вопроса. Не о таком «бесспорном» подтверждении, возможно, мечтал Савинов. Но все-таки сходство между собой этих двух изображений нельзя оставить без внимания. К тому же все, что нам известно о характере, поступках и вкусах Каржавина, говорит скорее в пользу такого, именно «сангвинического» его облика. Во всяком случае, к первому осторожному предположению добавилось столь же осторожное дополнение.

---

¹⁵ В. И. Рабинович, например, утверждал, что рисунок — «кариатура на царствующую особу, свобода нравов которой была широко известна», он изображает «развалившуюся на ложе обрюзгшую старуху, единственной одеждой которой является... корона» (Рабинович В. И. «Вслед Радищеву...»... С. 47). Замечу, что фигуру все-таки нельзя назвать обнаженной в полном смысле этого слова, скорее она то, что принято называть «полуобнаженная», т. е. в деэбилье.

¹⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. С. 113.